

A person wearing a dark hoodie with a glowing, circular pattern of small lights on the back, standing in a misty, dark forest. The person is facing away from the viewer, looking down a path that leads into the distance. The trees are tall and thin, and the overall atmosphere is mysterious and ethereal.

John Hall

Дорога
в
обсерваторию

John Hall

Дорога в обсерваторию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69945229

SelfPub; 2023

Аннотация

Я вернулся домой. Вместе со мной в родной город вернулся туман, и сквозь него я должен добраться к другу на чаепитие.

John Hall

Дорога в обсерваторию

Мне всегда говорили, что в тумане обитают существа, которых надо бояться. Поэтому я всегда боялся, когда с гор спускалась плотная завеса. Мне казалось, что нечто огромное тянет свои лапы к нам, ко мне, чтобы наконец утолить голод.

Я родом из небольшого города. Древняя река протекает вдоль и через, таким образом давая плодотворную почву для инея, холодного воздуха и... туманов. Если подумать, все страшные сказки появились именно по этой причине.

Несколько раз я пытался уехать, но каким-то удивительным образом всегда возвращался. То рабочее место оказывалось в разы хуже, то болезнь родных и близких, то какая-нибудь третья причина, из-за которой город звал меня обратно и в очередной раз обнимал границами, как мать, дождавшая сына с фронта. Он словно шептал мне: «Не отпущу». Это было странно, и каждый раз казалось, что во мне что-то умирает.

Церковный колокол отбивает каждый наступивший час, увеличивая количество ударов. Старик-звонарь и по совместительству носитель достаточно высокого духовного сана, говорят, только этим и существует, даже не покидая храма. Живет на пожертвования, ведет проповеди для тех, кто на-

ходит в себе место для веры и время для посещения божьего пристанища на земле. А ещё говорят, что несмотря на ответственное отношение к занимаемой должности, он не совсем в себе. Особенно это акцентирует мой друг, что даже не пытался покинуть это место. Он работает здесь же, в обсерватории, и на самом деле мало отличается от настоятеля и проводника веры в наш странный город, наполненный туманами. Мой друг живет немного в стороне от основного скопления жизней, в горах, и менее остальных подвержен воздействию туманного Альбиона.

«Бога нет! И это я тебе об этом говорю, потому что наблюдаю за звездами, за которыми, возможно, что-то и есть, но явно не бог! А этот старый хрыч... он совсем из ума выжил. Подумать только, начал рассказывать о том, что обсерватория – проклятое место, откуда спускается неверие! Надо ж подумать! Свет науки и свет веры столкнулись, погрузившись во тьму! Глупость, и только!.. И единственный действенный и верный способ не сгинуть на этом пути – не ввязываться в навязываемую драку. Тем более когда драку эту тебе навязывают на пустом месте. И кто знает, какая муха ужалила этого почти отщепенца» – вот о чем бурчал мой друг, когда я навещал его в последний раз. Кажется, это был первый раз, когда мы не обсуждали звезды, девушек и просто болтали о жизни. Ещё он сказал, что в последнее время туман стал плотнее и поднимается настолько высоко, что наблюдать за звездами ему не так просто. «Ты подумай! Тебя

не было около года, и за это время нас не мучало дымкой, но с того момента, как ты вернулся, мы превратились в город наземных облаков! Если не знать каждый закоулок наизусть, потеряться становится неизбежным. А ещё в тумане начали пропадать люди. И их ищут, а вот найти не получается...»

В том разговоре мы порассуждали на тему старых легенд, посмеялись с глупости таковых и прикинули несколько вариантов истинных причин. Сошлись на маньяке, информацию о котором скрывают, дабы не провоцировать панику, ну и чтобы все те суеверные, которых немало в нашем городе, не кричали никаких глупостей на этот счет.

С того момента прошло несколько недель. Я был занят на работе. Мой друг не покидал обсерваторию. Говорил: «Я на пороге грандиозного открытия!» – после чего пытался мне что-то объяснить, но... мне просто нравятся звезды, наблюдать за ними, до науки в этом отношении мне нет никакого дела.

С нашей последней чайной посиделки туман спускался регулярно. В нем исчезло несколько горожан, и на этот раз от молчаться не получилось. Власти искали отговорки на претензии и требования жителей объясниться. Выглядело это глупо. Словно у ребенка вопрошали о том, что у него случилось, а тот улыбался сквозь слезы и говорил: «Мама, папа, все хорошо! Не волнуйтесь!»

* * *

В тот день, когда мы договорились встретиться и посидеть

под чай, город затянуло самой плотной дымкой за последнее время. Казалось, ее можно было черпать ложкой и складывать в ведро. Я хотел даже позвонить и перенести встречу, но дозвониться не смог. После этого хотел махнуть рукой, забить, но совесть!.. Совесть нарушила покой души.

– Ты же понимаешь, он будет ждать! Волноваться! Думать о тех, кто пропал в тумане!.. И о том, что ты сам сгинул!..

Я пытался парировать: «Ага... и действительно пропасть в тумане... Кажется, это не лучшая идея», но муки душевного характера все же сломили меня. Аргументов у того чувства, которое решило проснуться и начать раскаленным воском капать на нервы, было настолько много, пусть большая их часть и была надуманной и притянутой за уши, что продолжать спор было невозможно, и вот я вышел на улицу. Здесь, в ту же секунду, меня встретила удивительная странность, на которую я не смог не обратить внимания. Заклучалась она вот в чем: наручные часы, согласно дуновениям моды и технологического развития, издали несколько звуковых сигналов. Точное количество в данном случае не имеет никакого значения. Так вот, часы обозначили время, а старик-звонарь – нет! И это с учетом того, что дядька был до невозможного пунктуален и всегда, синхронно с мировым, объявлял начало нового часа, сейчас же улицы наполнили тишина и удивительной плотности туман.

Дымка была настолько плотной, что, вытянув руку перед собой, можно было потерять пальцы из вида. От этого мыс-

ли, где-то в сплетении тех интенций, которые делали из меня меня, вздрогнули. Даже несмотря на то, что руки я не вытягивал. Для них у меня было отдельное задание. Они крепко держали лямки рюкзака. Сам же рюкзак был необходим как хранилище мощного фонарика и банки с малиновым вареньем.

Варенье нужно было для чаепития, а вот смысл фонарика заключался в возможности проложить себе путь даже в самом плотном тумане. При этом необходимо было просто светить под ноги и немного перед собой, но я надеялся, что до этого не дойдет.

Дорога должна была занять всего час. В обычные дни я проходил этот путь с огромным удовольствием и без особых проблем. Тут же мне казалось, что придется плестись полтора, а может быть, и два часа.

Я немного постоял, чувствуя нечто неприятное. Дернул плечами, словно стараясь сбросить мусор, случайно туда попавший, и пошел вперед. Конечно, хотелось развернуться и тоже пойти прямо, но только домой, но я понимал, что совесть сведет меня с ума. По этой причине оставалось надеяться, что этого не сделает туман. У второго шансов было меньше, и именно на это я сделал свою ставку.

Улочки превратились в подобие макета. Подробного. Красивого, но макета. Я шел, оглядываясь по сторонам, и так было до того момента, когда нога немного соскользнула в пустоту, заставив дернуться и выругаться. Оказалось, что люк,

который должен был закрывать канализацию, куда-то делся. Я не исключал того, что таковой был неподалеку, но искать не особо хотелось. Тем более не было уверенности, что смогу вновь отыскать техническое отверстие, в которое чуть не провалился.

«Согнуть бы крышку об голову тому, кто так выполнил свою работу». Подумав об этом, я крикнул нечто похожее по смыслу на «Безумный ты мудрец, в мыслях которого хаос и разруха», облачив это в одно емкое слово, после чего вздрогнул ещё раз. Бой колокола заставил выпрямиться, а вдоль позвоночника прокатилась волна холода.

«Псих!» – подумал я, посмотрев в направлении старого дома божьего, где работал настоятель и по совместительству звонарь, что опоздал на целых двадцать три минуты с оглашением единого для всех времени.

Странным при этом было то, что во время звона туман словно отступил. Стал не таким плотным. Мне даже удалось рассмотреть крышку люка.

Немного поколебавшись, я вернул ее на законное место. Мной двигали все та же совесть и самосознательность адекватного взрослого человека, вот только заплатить за это пришлось временем и... вновь сгустившимся покровом.

«Ладно... пути назад нет», – подумал я, после чего скинул рюкзак. Думал, фонарик не понадобится, но я ошибался. Не видно ни зги, и меня это несколько озадачивает.

Достав фонарик и нажав на кнопку, я осветил себе доро-

гу. Туман словно вздрогнул. Он представился мне живым существом, что постаралось прогнать надоедливую паразита, и второй раз за последние несколько минут холодок прокатился по спине.

– Ладно... – сказав это и закинув рюкзак на плечи, я двинулся дальше, ведомый совестью. Правда, мой путь вновь прервался спустя какое-то время. Связано это было с тем, что фонарик нащупал в густом покрывале одинокую фигуру, которая, тяжело дыша, бежала по улице, будто бы стараясь скрыться от преследователя. Меня это напрягло. Желания встретиться с маньяком не было. Я предпочел бы отсидеться в кустах, но... Все то же чувство справедливости не дало мне спокойно пройти мимо.

– Девушка! У вас все нормально?

Этот вопрос вошел в густую атмосферу необыкновенной дымки, наводящей ужас.

Девушка вздрогнула. До этого она словно не принадлежала самой себе. Она резко остановилась и посмотрела в мою сторону. Это было возможным благодаря свету фонаря, который отгонял морок. Без него я максимум что смог бы, так это услышать странные звуки, напоминающие мне о фильмах ужасов. Как это работало – кто ж знает?! Но именно свет лучше всего действовал на туман, спустившийся с гор.

– Спасите... – шепотом проговорила девушка, остановившаяся посреди дороги как вкопанная. – Мне страшно... – стало следующей фразой, что она смогла выдать из легких

и, по всей видимости, с огромным усилием.

– Давайте я провожу вас до дома? Где вы живете? – поинтересовался я, ощущая то, насколько сильно не хочется играть в героя, но понимая, что встреченную ни в коем случае нельзя оставлять одну. Ведь как она будет справляться с туманом?.. «А что, если она задохнется?» – отголоском совести прозвучал совершенно глупый вопрос в голове.

Я подходил медленно, продолжая светить на девушку и время от времени переводя свет фонарика в то направление, откуда она бежала. Там никого не было. Это даровало спокойствие, но такое, что своей сутью только транслировало тревожность, передавая и отравляя ей не только мысли, но и саму душу.

Было не по себе. Казалось, что в тот миг туман уплотнился. Дышать действительно стало чуть сложнее. А ещё его цвет – он будто бы прошел череду преобразований и из серо-белого приобрел вполне черные оттенки, через которые практически не пробивался свет фонаря... ведь черный поглощает свет.

– До... Дома?

Казалось бы, она задала совершенно глупый вопрос. Казалось бы, я должен был смутиться и с неловкостью в голосе рассмеяться, но нет. Я отшатнулся на несколько шагов назад. Мне были непонятны те интонации, которые играли в ее голосе. Они были наполнены какой-то странной мукой. В них не было страха, именно мука...

– Да... Домой... – проговорил я и сразу же решил, что «дом» не выход, учитывая то, как она бежала. – Или в участок? Вы так бежали, словно от кого-то... – От этих слов мне стало не по себе. Я вновь быстро посмотрел в сторону, откуда следовала девушка. Там никого не было. Фонарик не отыскал там ни единой души. Хуже стало через миг, когда я повернулся, чтобы продолжить диалог с девушкой, но она исчезла... вместе с этим колокол вновь забил свою заунывную песню. При этом рука машинально поднялась, а голова немного опустилась, давая глазам возможность нашарить часы.

– Без десяти... – прошептал я. – «Старый безумец совсем от рук отбился или совсем слетел с катушек?.. Хотя обычно он до невозможного пунктуален», – думал я, пока били колокола.

* * *

Я не долго стоял там, где встретил девушку. В этом не было никакого смысла. Более того: я уже опаздывал к другу на чаепитие, отчего шаги стали длиннее и чаще.

Мышцы спустя несколько минут такого темпа заставили подумать о необходимости регулярных тренировок в спортзале. Я даже начал прикидывать дни, в которые смогу выкраивать время для должной физической нагрузки, и так было ровно до того момента, пока – всего на миг – мое существо преобразовалось в пустоту и обратно. Причиной стал... звонарь, который пронесся мимо меня в сверкающей ёлочной

гирлянде, обмотанной вокруг рук, ног и тела.

– Спасайся, парень! Беги отсюда, пока есть такая возможность! Потомок Эреба вышел на жатву и ищет того, кем бы можно было поживиться! – прокричал он, выскочив как чертик из табакерки.

Спустя несколько секунд его стремительное движение вперед прервалось. Он налетел на девушку, которая вновь появилась из ниоткуда. Она стояла посреди дороги с отсутствующим видом и словно смотрела в плотную пустоту, обретшую материальность и воплотившуюся перед ней странной формой.

Звонарь-настоятель сбил ее с мыслей и сам сбился, только с ног. Покатился кубарем. Через несколько метров остановился. Ругаясь, с огромным трудом поднялся на ноги. Лампочки, которыми он был буквально увешан, то ли сменили режим мерцания, то ли что-то случилось с аккумулятором, но свет стал ярче. Теперь этот псих на все сто начал напоминать новогоднюю елку. Обретшую душу и на этой почве обезумевшую новогоднюю елку, устремившуюся в плотный туман. Я же бросился к той особе, что во второй раз появилась как гром среди ясного неба.

– Ты как? В порядке?

– Да... да, я в порядке. Заблудилась. Не могу понять, где я... а ещё хочу домой, но не могу понять, как вернуться... ну, туда...

Рукой она сделала неопределенный жест. После я задал

ей пару вопросов, чтобы попробовать выяснить, где она живет. При этом несколько раз мне чудились тени. Словно они пробегали мимо нас в нескольких метрах. И было непонятно, откуда взяться теням в тумане. Кажется, в тумане нет и не может быть теней.

– Хорошо... л-ладно... Давай попробуем найти твой дом... Я ничего не понял из твоего рассказа, но мысли на этот счет у меня все равно есть, – сказал я, и в эту самую секунду мне показалось, что плотные клубы содрогнулись, будто органы, сжавшиеся на миг от попавшего в тело инородного предмета.

– Спасибо.

Девушка смотрела на меня настолько отсутствующим взглядом, словно ее и не было здесь, на улице, рядом со мной. От этого было как-то неуютно, неприятно. По этой причине я даже начал ругать себя: «Не надо было предлагать помощь... надо было идти в обсерваторию!» – на что совет отвечала речами о благородстве и правильных поступках, что так или иначе зачтутся, когда настанет судный день. Собственные мысли наводили на меня ужас.

* * *

Я согласился проводить ее и в скором времени пожалел об этом. Сердце сначала подскочило к горлу, потом ударилось о пятки. Причиной стала она, истошно заоравшая и унесшаяся куда-то в плотные клубы почти водяной дымки.

«Да... она не герой, что уходит в закат... она истеричка,

что убегает в туман», – подумал я, тяжело дыша с испуга.

Обратно, на дорогу к другу, я возвращался несколько минут. Совесть меня больше не грызла. Она затихла где-то внутри, осознав свою оплошность.

– Пусть так, черт с ней! – Рука сама отмахнулась от беглянки, как от дурных мыслей, которыми она в тот момент и была. – Меня ждёт друг, а я уже задержался на... сорок минут! Нет, это не дело!

С этими мыслями я повернулся в ту сторону, куда должен был идти. Самое смешное – непогода не сбивала меня с толка. Внутренний компас безошибочно указывал направление, и это не могло не радовать.

Сделав несколько шагов, я вновь замер. Причиной тому служила колокольня, что в очередной раз, не попадая в мировое время, начала отбивать свою «часовую» песню. Туман вместе с этим стал прозрачным, и я, было дело, даже подумал спрятать фонарик в рюкзак, но спустя несколько секунд после того, как звонарь успокоился, пелена вновь сгустилась. Мне это казалось не просто странным, а паранормальным. Чувство самосохранения било тревогу. Хотелось вернуться домой, но я твердо решил дойти до обсерватории. Тем более к этому моменту я уже слишком долго скитался по улицам, чтобы вот так просто вернуться домой! Вернуться домой значило бы, что я потратил полтора или уже даже два часа своей жизни впустую. Подобного мне не хотелось допускать.

* * *

Тени, которые до этого суетились где-то в отдалении, внутри тумана, стали ближе. Я до сих пор не понимал, как такое возможно, и сбрасывал все на разыгравшуюся фантазию. Это было удобно и давало ответы на все вопросы... Хотя... Всего один ответ на один вопрос: «Как такое может быть возможным?» Все очень просто – фантазия, взбудораженная слухами и воскресшими легендами, решила поиграть в ужасы.

В какой-то момент я начал слышать шепот. Он был тихим, неразборчивым и оттого пробирался не только под кожу неприятным холодом, но и продирался через ребра, прямо к сердцу.

Наш настоятель ещё несколько раз бил в колокола. Опять невпопад часам. Мне хотелось думать, что в этом скрыт какой-то потаенный смысл.

«Ну, хотя бы припадочная больше не попадаетея на пути».

С этой мыслью я наконец дошел до той самой дороги, что практически напрямую вела к обсерватории. Она петляла серпантинном вверх и опускалась вниз. С одной стороны была гора, а с другой, внизу, протекала река. Тут могла поместиться машина, но обычно тут проезжали только полицейские, и то в крайнем случае. С другой стороны, на расстоянии нескольких километров, была ещё одна дорога к обсерватории, автомобильная, и она была пусть и прямой, но топать по ней можно было достаточно долго.

«Ещё минут двадцать, и я буду на месте», – думал я, словно ощущая на себе взгляды невидимых наблюдателей, что окружили и внимательно следили за каждым шагом... Как мне казалось, голоса коих я слышал и которые становились все громче, не приобретая при этом разборчивости.

Вдалеке раздались странные звуки. Они напоминали битву. Ожесточенную. Ужасную. И в ней фигурировали двое. Мне так казалось. На самом же деле я ни в чем не мог быть уверен.

Спустя несколько секунд случилось следующее: старик-звонарь, в своей гирлянде, ударился об меня с чудовищной силой. Он летел над землей, словно был снарядом, выпущенным из огромной пушки. Он сбил меня с ног, после чего, выписывая страшные перевороты и пируэты, умопомрачительные перекаты и, как мне казалось, несовместимые с жизнью кульбиты, прокатился по земле. Было заметно, что сгруппироваться он то ли не успел, то ли не смог. И все это словно в замедленном воспроизведении.

Падая, я наблюдал за этим и сам переворачивался, как-то инстинктивно, напоминая самому себе кота, что непременно должен приземлиться на четыре кости. Так и произошло. Боль электрическими разрядами прокатилась от колен и ладоней по всему телу.

«Малиновое варенье!» – подумал я и вместо изучения ссадин быстро снял рюкзак, чтобы посмотреть на ценный груз, что нёс с собой.

Банка была целой, и я, было дело, собирался выдохнуть и начать разбираться со случившимися обстоятельствами и безумцем, но меня отвлек голос девушки, что вышла оттуда, откуда несколькими секундами ранее прилетел звонарь.

– Где он?! – грозно спросила девушка. Я же замешкался, выпрямился и попятился назад, забыв обо всем. В том числе и о рюкзаке с невероятно важной для чаепития ношей. При этом неосознанно, как-то автоматически я направил свет фонаря в лицо девушки и всего на миг заметил то, чего не видел до этого. Искаженное болью и неслыханной мукой, оно показало мне историю смерти, однако девушка была жива. Вроде бы.

Спустя ничтожное мгновение особа будто бы очнулась от забытья, в котором, как я полагал, именно она швырнула старика на несколько десятков метров, применив для этого нечеловеческую силу. Она закрыла руками лицо и, словно стараясь спрятаться от яркого луча, слегка скрутилась. Вместе с этим нутро мое придавило бетонной плитой страха, какого никогда прежде я не ощущал.

– Эм... с вами все в порядке? – обратился я, при этом понимая, что в распоряжении у меня был всего один шаг для отвлечения внимания и растягивания времени, и таковой уже был использован. Что делать дальше и как вести себя в наступающем будущем, я не знал.

– Я боюсь... я не знаю, как попала сюда, – сказала она. – Ты же... ты же поможешь мне?.. – Девушка вновь посмотре-

ла на меня, и в этот раз ее лицо было таким, как в первые две встречи, но та картина, которую я увидел до этого, теперь не покидала и – более того – сопровождала каждый взгляд на нее.

– Я... я... я... – словно квакая, сбиваясь, начал говорить я, но слова не покидали рта. Они задерживались в области легких и там затухали. Мне хотелось сказать «Я опаздываю на важную встречу!», но не получалось. Я хотел выдать и крайне весомое «Я пытался, но ты, больная на всю голову, устроила истерику и сбежала! Больше мне не улыбается работать для тебя проводником» – но нутро удерживало меня от столь соблазнительного действия.

– Сгинь в аду, тварь! – прорычал старик-звонарь, выпрыгивая из тумана. Он схватил меня за плечо, резко дернул назад, на самом деле отталкиваясь и придавая таким образом себе ускорение, и навалился на девушку.

Я не видел того, что было дальше, только слышал... как тонкий голосок взревел бесноватой истерикой, затем засмеялся, а потом умолк, будто бы покинув мир навсегда. Голоса старика при этом слышно не было. Мне даже показалось... нет, почудилось, что его существование прервалось так же внезапно, как он второй раз за ночь выпрыгнул... третий раз за эту ночь выпрыгнул из тумана! Но мне это только показалось. На самом же деле я надеялся, что все не так плохо, как могло выглядеть со стороны. Вообще у меня было много вопросов, которые мне хотелось бы задать, но... я понимал,

что придется ждать до рассвета, после чего достаточно долго пытаться собственным любопытством окружающих.

Как бы то ни было, после того как наш «настоятель» и «хранитель дома света» оттолкнул меня, я сделал несколько неуверенных шагов назад, старательно при этом удерживая равновесие, но все же упал. Фонарик только чудом остался цел.

Поднявшись, я крутанулся на месте в попытке найти в пространстве, и тут понял, что потерял рюкзак.

– Проклятье! Рюкзак! А ведь там документы... там практически вся моя жизнь – и! – малиновое варенье, которое в данный момент может стоить даже больше, чем жизнь! – На самом деле позже, вспоминая об этом, я думал: «Какую же чушь я тогда порол!»

* * *

Не обнаружив рюкзака, я начал метаться из стороны в сторону. Я пытался найти то место, откуда меня вышвырнул старик, но не мог. Фонарик не пробивался сквозь почерневший туман, который стал похож на грозовую тучу, спустившуюся на землю.

Издали начали доноситься ужасающие звуки. Они застыли где-то между сражением и чавканьем. О втором мне думать не хотелось, потому что было понятно: как только все стихнет, я стану следующим. Следующим мне быть не хотелось. Но и не хотелось прощаться с рюкзаком, пусть я и осознавал риск, связанный с нахождением... возможным на-

хождением.

Время ощущалось не так, как текло. Казалось, словно оно утекало сквозь пальцы. С другой стороны, каждая секунда тянулась, как нагретая резина или дешевый пластик, который все никак не мог разорваться, разделившись на две части. На самом же деле время никоим образом не изменилось и продолжало свой размеренный ход, а рюкзак все никак не хотел отыскиваться. Более того – звуки утихли, а это ничего хорошего не означало.

– Проклятье! Кобыла недобитая!.. Угораздило же встретить тебя и попытаться помочь! – прорычал я. – Надо было не обращать внимания! Не надо было слушать совесть и думать о карме! Надо было думать о том, что благими намерениями скорее окажешься в преисподней, нежели вознесешься! – продолжал потихоньку рычать я, при этом остановившись и вращаясь на месте, разрезая светом фонаря отступивший, но сохранивший при этом большую часть своей плотности туман.

«И что мне делать?!» – подумал я, а в следующий миг в плотной пелене показалось несколько больших ламп. Две из них – красная и синяя. Они поочередно мерцали, своим светом прогоняя наваждение, опустившееся на город. Оставшиеся – размером гораздо меньше – светили желтым, и это были противотуманки, и именно они позволили мне увидеть рюкзак. Я ринулся к нему. Он лежал в паре метров от меня, на земле, что позволило быстро схватить его за специальную

ручку – и вот тут я оплошал.

Копы ехали пусть и не очень быстро, но они не могли увидеть меня в тумане. У них не было ни единого шанса рассмотреть мою внезапно появившуюся перед ними фигуру. В связи с этим они мчались на меня. Кажется, они ориентировались на свет фонаря, но не могли рассчитать расстояние...

Я отпрыгнул в последний момент. Это спасло мне жизнь. Правда, равновесие я не смог поймать за хвост, в связи с чем достаточно быстро и неловко начал пятиться, с каждым шагом приближаясь к пропасти. Дальше был отбойник, о который я ударился и через который перевалился.

* * *

Что такое «лететь кубарем»? Это – скатываться с большой скоростью и огромной вероятностью никогда впредь не подняться.

Что такое «лететь кубарем со склона горы»? Это – девяностодевятипроцентная вероятность отправиться в прекрасное и в то же время злачное место. И при этом я прижимал к себе рюкзак и всем своим телом защищал банку с вареньем. Мне не было страшно напороться на осколок стекла. Нет! В тот момент я ни о чем подобном не думал, своей группировкой отыгрывая ежика... скатывающегося со склона, поглощенного туманом.

Сколько это продолжалось, не знаю, но в какой-то момент удары прекратились. Земля подо мной закончилась. Я летел в направлении реки и прощался с жизнью.

Хотя об этом нельзя сказать «прощался». Прощание – осознанное действие. В том же, что делал я, осознанности не было. Лишь огромное количество несвязных мыслей, которые приводили меня к вакууму. К пустоте. В которую я летел, продолжая при этом вращение в воздухе.

Удар. Вода обняла и постаралась хлынуть в рот, но зубы были настолько сильно стиснуты, что должны были потрескаться от давления. Хорошо, что этого все же не случилось.

Каким-то чудом я вошел в воду достаточно удачно. Даже не потерял сознания. Спустил несколько секунд даже всплыл, после чего лег на спину, поймав хрупкое равновесие.

«Удивительно, – подумал я, – здесь нет тумана... а небо на самом деле настолько чистое, что звезды видны не только невооруженным взглядом, а будто бы их ещё и специально подсвечивают изнутри самих звезд».

Несколько минут я лежал на воде, переводя дыхание и прижимая рюкзак к груди. Фонарик был потерян. Он остался где-то там, где была найдена сумка, и от этого чувство обиды кололо где-то под сердцем.

Вдалеке послышался протяжный крик. Он звучал так, словно кого-то звали, но кого именно, было не разобрать. Мне казалось, что ещё немного – и если духи есть, то они заберут меня к себе, погрузив на самое дно, но и этого не происходило. Я видел лишь звезды, где-то высоко в небе, и старался не смотреть по сторонам. Мне казалось, что на берегу я непременно увижу ту девушку, которая явно была не

от мира сего и вряд ли вообще от мира... и, все же посмотрев, я ее там увидел смотрящей на меня таким образом, каким мне не хотелось бы, чтобы она на меня смотрела.

Вдалеке раздался бой колоколов. Он отвлек меня всего на мгновение, поэтому, когда я вновь посмотрел туда, где она стояла, там уже никого не было.

«Чертовщина какая-то! – подумал я. – Да, этот вечер будет вспоминаться мне исключительно в кошмарах... если я останусь в живых. Если не простыну до смерти». С этой мыслью я понял, что настал момент выбираться на берег.

Спустя минуту с меня потоками стекала вода. Холод лез под кожу. Туман окутывал собой. Фонарика не было, и единственное, что оставалось, – попробовать подняться по скале наверх.

Я думал, что не получится, но получилось. И даже лучше, чем я мог предполагать! А все потому, что я вышел на дорогу около указателя, который четко показывал в сторону обсерватории и даже говорил, что дотуда всего два километра.

Закинув рюкзак на спину и обняв себя руками, я пошел вперед. Было страшно и становилось страшнее. Все потому, что странный звук становился громче и приобретал какую-то странную материальность. Таковая складывалась в вой, а потом обрела форму моего имени и знакомого голоса. Когда это произошло, меня отпустило. Ощущение, словно за мной кто-то шел по пятам, не пропадало до того момента, пока в лицо не ударил свет фонаря и показался вышедший из тумана.

на друг. Его глаза быстро бегали из стороны в сторону. Он судорожно осматривал меня, после чего наконец прокричал: «Я так волновался! Туман сегодня невероятно густой! Я хотел до тебя дозвониться, но со связью что-то неладное...»

– А я принёс малиновое варенье... – перебив, сказал я.

* * *

Мой друг проводил меня в обсерваторию и выдал полотенце. Это слабо помогло, но было лучше, чем ничего. Потом он заварил чай с можжевельником и открыл принесенное мной варенье. Все это время он рассуждал о тумане и о звездах, но я не слушал его. Мне было интересно узнать как можно больше о той девушке, которая словно охотилась на меня в тумане, о психопате-звонаре, что следовал за нами, увесившись гирляндами, а ещё я думал о том, как пойду обратно, и надеялся, что туман отступит... и что если нет, мне тоже придется обвеситься гирляндами, чтобы добраться домой. Но туман развеялся наутро, чтобы вечером вновь вернуться и чтобы оттуда на меня сквозь окна смотрели то ли тени, то ли существа, что боятся света и колокольного звона... А ещё я вот что заметил: смотритель и проповедник не всегда вел себя так странно во время тумана и обычно очень четко оповещал о времени. Может быть, он каждый раз пытался кого-то спасти, но не всегда мог, не всегда получалось?.. Может быть, он не такой уж и сумасшедший и на самом деле ведет страшную битву с той сущностью, что издавна приглядывает за этим местом?! Но вот что ещё стран-

но... Все то время, пока меня здесь не было, говорили, что тумана нет, а как только я вернулся, он появился, и спустя время начали пропадать жители. Может ли это быть связано или нет? Кто знает?.. И, может быть, мне все же стоит вновь войти в пелену, но в этот раз последовав примеру старого психа из церкви?..